

Научная статья

УДК 342.56

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).624-636

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ И МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ

Ю.Н. Туганов^{1, 2}, В.К. Аулов²¹ Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация² Российская таможенная академия, г. Люберцы, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

15 марта 2021 г.

Дата принятия в печать

3 ноября 2021 г.

Дата онлайн-размещения

25 ноября 2021 г.

Ключевые слова

Судебная реформа; судебная система;
Концепция судебной реформы;
криминологические функции;
мировая юстиция

Аннотация. В статье предлагается правовой взгляд на проблематику влияния судоустройственного сегмента криминологической политики Российской Федерации на результативность общей превенции девиантного поведения. В этом контексте осуществлено сопоставление исходных посылок программных документов, предлагающих криминологические параметры мировой юстиции при ее внедрении в современный судоустройственный механизм, и достигнутых результатов такого внедрения. Анализируя постановление Верховного Совета РСФСР «О Концепции судебной реформы в РСФСР», авторы показывают направленность этого документа на легитимацию конфедеративных отношений в Российской Федерации с конструкцией судебной системы по типу системы «кооперативного федерализма». В этом процессе мировому судье, чей статус и юрисдикцию Концепция судебной реформы обозначает лишь схематично, отводилась роль декора в политико-идеологическом обеспечении достижения гораздо более масштабной цели. Трансформация России в государство «кооперативного федерализма» с крайними формами асимметричности ее субъектов означала бы устранение мировой юстиции от возможности реализовывать криминологическую функцию судов. Внедрение мировых судей одновременно с принятием в республиках РСФСР собственных кодексов материального и процессуального права предопределяло создание независимых от центра правовых систем в каждом российском субъекте и блокирование криминологической функции судов. В то же время апелляция к ретроспекции правовой традиции Российской империи формировала ошибочное представление о российской мировой юстиции как о едином (начиная с 1864 г.) судоустройственном институте, продуцировала абстрактные проекты, затрудняя реализацию возможностей мировой юстиции по предупреждению преступлений. Результатом криминологической политики Российской Федерации в 1991–1996 гг. стало структурирование судебной системы Российской Федерации, отличное от модели, изложенной в Концепции судебной реформы. В процессе исследования доказано, что мировая юстиция России должным образом влияет на предупреждение и профилактику преступности.

Original article

CRIMINOLOGICAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONCEPT OF JUDICIAL REFORM AND JUSTICE OF THE PEACE

Yuri N. Tuganov^{1, 2}, Vladimir K. Aulov²¹ Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation² Russian Customs Academy, Lyubertsy, the Russian Federation

Article info

Received

2021 March 15

Accepted

2021 November 3

Available online

2021 November 25

Abstract. The article presents a legal approach to the problem of the influence of the judicial system segment of Russian criminological policy on the effectiveness of the general prevention of deviant behavior. Within this framework, the authors compare the assumptions of the program documents that described the criminological parameters of justice of the peace during its introduction in the contemporary judicial system, and the results achieved by this introduction. By analyzing the Decree of the Supreme Council of the RSFSR «On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR», the authors demonstrate that this document was aimed at legitimizing confederative relationships in the Russian Federation with the design of the judicial system of «cooperative federalism» type. The justice of the peace, whose status and jurisdiction are only schematically outlined in the Concept of Judicial Reform, was to

Keywords

Judicial reform; judicial system; concept of judicial reform; criminological functions; justice of the peace

play a decorative role in the political and ideological support of the achievement of a far more ambitious goal. The transformation of Russia into a state of «cooperative federalism» with extreme asymmetry of its subjects would have meant the removal of the opportunity for the justices of the peace to perform the criminological function of courts. The introduction of justices of the peace simultaneously with the adoption of their own codes of material and procedural law in the republics of the RSFSR predetermined the creation of legal systems independent of the federal center in each Russian subject and the blocking of the criminological function of the courts. At the same time, a retrospect reference to the legal tradition of the Russian Empire formed an erroneous understanding of Russian justice of the peace as a unified (since 1864) judicial system, and lead to the development of abstract projects that hindered the implementation of the crime prevention potential of justice of the peace. The result of the criminological policy of the Russian Federation in 1991–1996 was the structuring of the court system of the Russian Federation which was different from the model presented in the Concept of Judicial Reform. The conducted research showed that justice of the peace in Russia duly influences crime prevention.

Введение

Юридическая наука всегда уделяла большое внимание изучению мировой юстиции, в том числе и с позиции места этого правового института в юридическом механизме предупреждения и профилактики девиантного поведения¹.

В то же время формированию полноценного научного представления о роли и месте низшего звена судов общей юрисдикции в криминологической политике Российской Федерации и раскрытии антикриминогенного потенциала мировой юстиции препятствуют целенаправленно организованные в общественном правосознании оценки системных характеристик этого судоустройственного института как феномена, эволюционирующего с момента утверждения Судебных уставов 1864 г. и до настоящего времени.

На сегодняшний день созданные представителями юридической и политической элиты «из фрагментов реальности прошлого ради реализации определенных текущих социальных задач» (здесь и далее используется формулировка Е.В. Пилюгиной [1]) такие внерациональные смысловые структуры приобрели новое качество. Это качество неизбежно подводит к выводу, что внедрение мировых судей в Российской Федерации носит закономерный характер, вызвано общими тенденциями совершенствования судопроизводства и необходимостью реорганизации судебной системы, а юридическая конструкция мировой юстиции Российской Федерации — особый результат исторического развития судебной власти.

¹Здесь и далее термин «мировая юстиция» используется как равнозначный по смыслу синоним терминов «мировой судья», «мировой суд», «институт мировых судей», «институт мирового суда», «судебно-мировой институт», «нижнее звено судов общей юрисдикции», «мировое судебное установление».

Указанное качество деформирует правовую реальность, продуцирует абстрактные проекты и затрудняет реализацию возможностей мировой юстиции по предупреждению преступлений, так как апеллирует к ретроспекции правовой традиции Российской империи, формируя ошибочное представление о российской мировой юстиции как о едином (начиная с 1864 г.) судоустройственном институте.

В результате выявления мировыми судьями обстоятельств, способствовавших совершению преступления, может не только зависеть от адекватной конструкции судебной системы и создания надлежащих условий для деятельности судебных органов, но и определяться влиянием идеологически маркированных бездоказательных суждений, ошибочно воспринимаемых общественным правосознанием правильными.

Методология научного исследования

Применяемый в настоящей статье исследовательский подход основывается на формальной и диалектической логике. Методология исследования ставит целью объяснение принципиальной разницы подходов к предупреждению преступлений одноименных судоустройственных институтов Российской империи и Российской Федерации.

При этом содержание и сущность криминологической компоненты Концепции судебной реформы 1991 г. — документа, в котором впервые после длительного перерыва формулировалась идея возрождения мировых судей, — изучаются методом аналогии на основе анализа как современных материалов, так и памятников права.

Методом сравнительного правоведения анализируется зависимость криминологической детерминации от структурирования судебной

системы в различные исторические периоды существования российской государственности.

Перечисленные методы принципиально отличаются от чисто психологических [2], экономических [3] и других *rational choice perspective* [4] криминологических практик изучения факторов, влияющих на преступность.

Основное содержание

Применительно к мировой юстиции замысел ее создания — главная идея, определяющая методы и способы выполнения задачи, поставленной инициаторами внедрения этого правового института в правовую реальность Российской Федерации², отсылает нас к постановлению Верховного Совета РСФСР (далее — Постановление) от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» (далее — Концепция), одобдившему представленную Президентом РСФСР Б.Н. Ельциным Концепцию.

Стоит отметить, что сами разработчики Концепции начало судебной реформы связывали еще с XIX Всесоюзной конференцией КПСС 1988 г., несмотря на то что решений, касающихся создания мировой юстиции в рамках советской общественно-политической парадигмы, не выявлено.

На сегодняшний день, когда уже нет ни РСФСР, ни Верховного Совета, Концепция как документ высшего органа государственной власти РСФСР не отменена. Отсутствует и нормативный акт, который бы содержательно ее заменил [7].

Несмотря на то что юбилейные даты со дня ее принятия не отмечаются как значимые исторические вехи государственного строительства [8], подавляющее большинство авторов считают, что именно Концепция во многом определила общие контуры архитектуры современной судебной власти. На Концепцию ссылаются Президент РФ³ и Председатель Верховного Суда РФ [9].

² В настоящей работе правовой институт рассматривается как «блок учреждений и средств, находящихся в их распоряжении, социальных ролей, процедур, стандартов поведения и общепринятых ценностей» [5] и одновременно как «фактически сложившаяся относительно обособленная организационно-функциональная структура в целостной системе государственного управления обществом» [6].

³ Выступая на V Всероссийском съезде судей, Президент РФ В.В. Путин отметил: «Говоря о главном итоге судебной реформы, хотел бы подчеркнуть: судебная власть в России, несмотря на проблемы, все-таки состоялась. Мы можем и должны это констатировать. В базовых параметрах Концепция судебной реформы реализована». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21125>.

Сами авторы Концепции, давая по прошествии десяти лет оценку Постановлению, признавали ее очевидную юридическую расплывчатость и налет отвлеченной гуманитарности [10]. Объясняется это тем, что «Концепция была рассчитана на правовое и общественное сознание последнего периода советской власти. Поэтому в ней много строк, посвященных объяснению моментов, кажущихся сегодня очевидными. Но опять-таки время было таково, что требовалось убеждать политическую элиту в разумности и необходимости планируемых шагов» [там же, с. 14].

Не являясь системно обоснованной, Концепция оставляет без детальной проработки будущее административно-территориальное деление России и правовое положение субъектов Российской Федерации, ограничиваясь двумя тезисами: первый — о необходимости учета «национально-государственного устройства РСФСР», второй — о существовании «наряду с республиками в составе РСФСР» неких «федеральных территорий». Несмотря на такой пробел, «общий абрис»⁴ системы судов дает основания полагать, что составители Концепции исходили из необходимости углубления «асимметричности российского федерализма, т.е. из привилегированного положения этнических регионов (республик) в составе Федерации» [11–13]. Об этом свидетельствует, например, разд. V Концепции, где размежевание сфер ведения в области правосудия и правоохранительной деятельности между СССР, РСФСР и республиками в составе РСФСР называется индикатором перехода ко второму этапу судебной реформы.

Согласно Концепции, «республикам в составе РСФСР предоставляется возможность с учетом основных принципов судостроительства и межреспубликанских соглашений учредить наиболее удобную для них систему судов или признать на своей территории юрисдикцию федеральной юстиции» (п. 2 гл. 5 разд. IV Концепции).

Таким образом, согласно Концепции, республики могли вовсе не признавать на своей территории юрисдикцию федеральной юстиции. Самоочевидно, что такой подход во многом деформирует важное место, которое занимают судебные органы в общегосударственном механизме предупреждения преступности.

По сути, Концепция легитимировала конфедеративные отношения с Российской Федерации

⁴ Так в тексте Концепции (п. 1 гл. 5 разд. IV).

ей, которые на тот период фактически были провозглашены некоторыми республиками. Коми и Татарстан заявили о возможности выхода из состава России. Удмуртия и Калмыкия провозгласили себя суверенными государствами. Татарстан и Чечено-Ингушетия не использовали в своих декларациях слова «в составе Российской Федерации»⁵. В ранее действовавшей редакции Конституции Республики Татарстан (ст. 142) устанавливалось, что ее законодательством может быть предусмотрено создание составов судов, специализированных для рассмотрения отдельных категорий дел (о несовершеннолетних, семейных и др.), подведомственных судам общей юрисдикции [14]. Положения Концепции использовались и для идеологического обеспечения Федеративного договора, который 31 марта 1992 г. не подписали представители Республики Татарстан и Чеченской Республики, а также создания Уральской Республики (исследователи указывают даты существования этого государственного образования с 1 июля по 9 ноября 1993 г.) [15].

Именно о республиках, а не о субъектах Российской Федерации говорится в Концепции, когда предполагается, что в будущем Конституция определит основные принципы организации и функционирования судебной власти — единые для Российской Федерации и республик в ее составе (п. 3 гл. 1 разд. IV Концепции). При этом федеральные и республиканские суды России становились неподнадзорны судебным местам СССР (п. 2 гл. 5 разд. IV Концепции), юрисдикция судов СССР на территории РСФСР (п. 1 гл. 5 разд. IV Концепции) признавалась ограниченной исходя из верховенства судебной власти РСФСР на своей территории.

Стоит добавить, что авторы Концепции и Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР надеялись скомпоновать «из обязательной для республик части («основы») и факультативных положений», распространив такой подход и на уголовное законодательство.

Такого рода разделение материального права могло отрицательно сказаться на криминологической функции правосудия (ст. 29 УПК РФ; ст. 226 ГПК РФ; ст. 200 КАС РФ).

Перечисленные нормы включают факторы, способствующие совершению правонарушения, в число обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому делу.

Эти же правовые предписания возлагают на суды всех уровней обязанности по выявлению причин и условий совершения конкретного правонарушения с вынесением соответствующего процессуального акта.

При этом реализация криминологической функции правосудия, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, возложена на все суды независимо от их места в судебной системе. Более подробно правовая позиция высшего судебного органа Российской Федерации изложена в постановлении Пленума Верховного Суда⁶. В данном судебном акте особо обращается внимание на «предупредительное значение работы судов по воспитанию граждан и должностных лиц в духе неуклонного исполнения законов» и обязанность председательствующих по делам «глубоко и всесторонне выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений и других правонарушений».

Разработке предупредительной криминологической функции правосудия как синонима составного термина «криминологическая функция суда» посвящен ряд исследований, в том числе и диссертационного уровня [16–19].

Несмотря на разнообразие авторских подходов, консолидированная позиция всех исследователей в ее концентрированном виде сводится к тому, что «судебная власть по своему назначению, месту в конституционном разделении властей и сущностным характеристикам имеет выраженную социально-криминологическую направленность и является специфическим государственным субъектом криминологического воздействия» [17, с. 8]. Соответственно, криминологическая функция суда (правосудия) может быть отграничена от иных функций правосудия через дифференциацию по социальному назначению судебной власти, а также на основе деятельностного подхода.

В первом варианте криминологическая функция суда (правосудия) дефинируется как обусловленное социальным назначением судебной власти правовое воздействие судебного органа при отправлении правосудия на обще-

⁵ Цит. по: Становление и развитие российского федерализма в 1990-е гг. // РЕФ.РФ. URL: http://referatwork.ru/category/politika/view/274542_stanovlenie_i_razvitiye_rossiyskogo_federalizma_v_1990_e_gg.

⁶ Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 6 февр. 2007 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 5.

ственные отношения с целью предупреждения совершения правонарушений; во втором — как деятельность судебных органов в установленном законом процессуальном порядке по выявлению, с целью предупреждения, причин и условий совершения конкретного правонарушения в ходе рассмотрения и разрешения по существу административных, гражданских и уголовных правовых споров и конфликтов.

Оба этих варианта выявления криминологических параметров мировой юстиции игнорировались Концепцией. Более того, субъектам Федерации предлагалось принизить криминологическое значение судебной власти следующими вариантами подхода к процессуальному регулированию судебной деятельности:

- принять собственные УПК и ГПК, повторив и конкретизировав в них нормы федеральных основ процессуального законодательства;
- признать действие УПК и ГПК РСФСР на территории республики в полном объеме;
- признать действие УПК и ГПК РСФСР на территории республики с купюрами и дополнениями, не меняющими строение федеральных законов, нумерацию их статей.

Помимо этого, «из уважения к национальным, культурным и религиозным особенностям республик в составе РСФСР» республики наделялись правом уточнять «санкции уголовно-правовых норм при сохранении в неизменности их диспозиций» (п. 3 гл. 1 разд. IV Концепции). Важным нововведением становилось признание на территории РСФСР международных и межреспубликанских договоров независимо от их трансформации во внутригосударственные нормы (п. 1 гл. 1 разд. IV Концепции), что в определенной степени могло пагубно сказаться на криминологической функции правосудия.

Что касается собственно вопросов судостроительства, то в законе РСФСР «О судостроительстве РСФСР» должны были быть предусмотрены такие параметры судебной системы республик, которые могли бы обеспечить самостоятельность судебной власти субъектов Федерации. Указывалось, что Конституция РСФСР не затронет детально судебную систему республик (именно республик, а не субъектов Федерации). Предполагалось, что субъекты Федерации будут уполномочены установить ее самостоятельно с единственной оговоркой — без права формировать чрезвычайные суды и суды *ad hoc* (для данного случая) (п. 3 гл. 1 разд. IV Концепции).

Такая юридическая конструкция близка к конструкции судебной системы и административно-территориальному делению страны «победившего кооперативного федерализма» — США, где судебные системы «отдельных штатов (округа, зависимых территорий) также не зависят друг от друга и от федеральной системы. У каждой из судебных систем имеется своя юрисдикция, ни один из судов не вправе выходить за пределы своей юрисдикции. Считается, что Верховный суд каждого штата является надлежащей высшей инстанцией по решению вопросов, касающихся данного штата, и федеральные власти не имеют права пересматривать решения верховных судов штатов» [20].

Между тем даже западные источники указывают на институциональные затруднения реализации продуманной криминологической политики государством «кооперативного федерализма» [21]. Направленность на разрушение единой судебной системы российского государства, а значит, и на способность судебной власти оказывать влияние на борьбу с преступностью обусловила широкое сознательное использование в Концепции лингвистического приема обрыва изложения ее ключевых теоретических положений на фоне развернутой риторики по дискредитации существующих на момент ее принятия судостроительных положений.

Бесспорно, «эффективное развитие права невозможно без учета национальных правовых традиций» [22, р. 117], однако в данном случае ретроспекция к правовой традиции Российской империи была лишь средством маскировки действительных интенций. Тем самым Концепция создавала иллюзию конструктивной критики, одновременно блокируя конкретные действия по реализации присутствующих в ней в качестве юридической завесы основного замысла *a priori* одобряемых принципов правосудия. Именно «разрушительный пафос», как это подмечено известным социологом О.В. Крыштановской, лежал «в основе всего государственного строительства первых лет ельцинских реформ. Поэтому создаваемые им новые институты должны были быть не похожи на прежние, советские. В президентском окружении тех лет находились ученые, которые предлагали копировать то французскую, то американскую модель государственного устройства» [23, с. 216].

Из этого исходили и создатели Концепции, прописавшие в этом документе: «Предстоит учесть принципы системной организации и опыт

зарубежных стран»⁷. Затем они заявляли: «Истоки и стандарты формирования справедливого правосудия Россия искала в международной практике — в практике международных судов и в практике других стран» [24]. Дополнительными доказательствами использования Концепцией судоустройства США как образца будущей судебной системы России являются заявления ученых-правоведов [25; 26], политологов [27] и депутатов Государственной Думы РФ [28] об участии в законотворческой деятельности иностранных субъектов.

Важнейшим же результатом судебной реформы, что прямо закреплено в Концепции, виделся отказ от «пресловутого» [29] единства судебной системы российского государства, а вместе с ним фактически и отказ от официальной легитимизации на законодательном уровне криминологической функции правосудия.

Методологический аспект отрицания единой криминологической политики государства, определяющий идеологическую маркированность Концепции, в некоторых случаях ошибочно упускается, а в других — осмысленно скрывается. К примеру, социологическое исследование мировой юстиции в Санкт-Петербурге, подготовленное общественной правозащитной организацией «Гражданский контроль» совместно с Центром независимых социологических исследований при поддержке Фонда имени Конрада Аденауэра (ФРГ) и Фонда Форда (США), перечисляет 11 приоритетных направлений преобразования судебной системы по Концепции, но ни слова не говорит о «важнейшем результате» предлагаемых преобразований⁸.

В учебном пособии под редакцией Н.А. Колоколова, где, по мнению С.В. Лонской [30, с. 54], изложена наиболее разработанная с теоретико-методологической точки зрения концепция мировой юстиции в институционально-правовом измерении ее судебной власти, перечисляются цели Концепции, однако также умалчивается о «важнейшем результате судебной реформы» [31, с. 122]. Цитируя задачи судебной реформы о направленности Концепции на отказ от единства судебной системы, умалчивают П.В. Ветров [32], Н.Г. Ильинская [33],

П.В. Никитин [34], В.И. Полудняков [35, с. 3], А.Д. Попова [36], Д.В. Фетищев [37].

Вместе с тем изначальная невозможность продуктивной реализации положений Концепции применительно к криминологическим функциям судов ясно видна при анализе статуса и юрисдикции мировых судей в децентрализованной (по образцу США) судебной системе.

Принципы разделения мировых судей «на участковых (территориальных) и специализированных (следственных, пенитенциарных и других)» хотя и в общей форме, но были сформулированы в Концепции. Первые «в основном станут разрешать уголовные и гражданские дела, а также дела об административных правонарушениях... вторые возьмут на себя контрольные функции там, где под угрозу ставятся свободы и права человека». При этом Концепция обошла вопрос разграничения юрисдикции обеих категорий мировых судей, их криминологической функции точно так же, как компетенцию и принципы организации мирового суда (термин «мировой суд» используется в документе один раз), судебным составом которого по замыслу должен был стать мировой судья⁹. Некоторые правоведы проигнорировали этот факт, заявив, что «предложения, сформулированные в Концепции судебной реформы о разграничении мировых судов на участковые (территориальные) и специализированные (следственные, пенитенциарные и т.д.), которые возьмут на себя контрольные функции, представляются заслуживающими всяческой поддержки и реализации» [38, с. 40].

В этой части Концепция оставляет значительный простор для интерпретации вариантов организации мировой юстиции, предлагая два пути формирования «состязательного расследования: либо через создание Следственного комитета как службы обвинительной власти при обеспечении активности защиты в расследовании и судебном разрешении спорных или касающихся ограничения прав личности вопросов, либо посредством учреждения института следственных судей в судебном ведомстве при признании за нынешним следственным аппаратом функций вспомогательной службы прокуратуры».

Концепция обошла молчанием и проблему соотношения между собой юрисдикции и статуса участковых мировых судей, специ-

⁷ Абзац 16 разд. III Концепции.

⁸ Мировой суд: доступность и эффективность. Социологическое исследование мировой юстиции в Санкт-Петербурге / сост. Обществ. правозащит. орг. «Гражданский контроль». СПб., 2007. 56 с.

⁹ Примечательно, что в Учреждении судебных установлений и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. термин «мировой суд» не встречается.

ализированных мировых судей, мировых судов, специализированных судов (ювенальных, административных и др.)¹⁰. Вопрос о введении временных (почетных, неоплачиваемых) мировых судей по Концепции только лишь подлежал изучению в перспективе.

Таким образом, даже фрагментарно изложенные предложения Концепции (безвозмездность работы, эпизодичность привлечения к отправлению правосудия, наделение властными полномочиями начальника отдела (управления) юстиции, специальные поводы для процессуальной деятельности (по просьбе «мира» — какого «мира?»), отсутствие связи с адвокатской практикой и отечественным «истеблишментом» как требование к кандидатам) указывают на дефицит единства статуса мировых судей в предлагаемой системе мировой юстиции [39] и наличие институциональных коррупциогенных предпосылок.

С учетом явной неполноты и внутренней противоречивости очевидно, что перечисленные положения являются деволюционными, особенно в криминологическом аспекте. В своей совокупности эти мероприятия должны были стать причиной последствий, выходящих за рамки чисто судоустройственной проблематики. Мультиплицируя друг друга, рекомендации Концепции неизбежно породили бы внутри Федерации общественные отношения без иерархического подчинения субъектов Федерации центральному правительству, где «столица и регионы существуют как равноправные и параллельно действующие центры власти», т.е. так, как это имеет место в США [40].

В этом процессе мировому судье, чей статус и юрисдикцию Концепция обозначает лишь схематично, отводилась роль скорее декора в политико-идеологическом обеспечении достижения гораздо более масштабной цели.

Вот что об этом пишет А.К. Романов: «Она (судебная реформа) не сводима к преобразованиям судебного ведомства, а представляет нечто значительно большее, а именно — реформу самой власти, важный шаг в направлении децентрализации самой ее матрицы. С этих позиций данная реформа выходит за рамки не только судебной деятельности, но и судебной системы. Судебная реформа должна быть рассчитана и ориентирована прежде всего на изменение конфигурации власти и ее дальнейшую

децентрализацию... Общество должно не только поддерживать эту реформу, но и принять новую конфигурацию власти, свыкнуться с новой реальностью... Следовательно, реформа должна касаться не только судов, но и всей власти в целом. Поэтому, хотим мы того или нет, она связана с решением таких нелегких проблем, как установление принципиально иного режима институционализации власти, переход от централизации к субсидиарности власти, наложение принципиально иных каналов обратной связи власти с обществом (от жалоб к судебным искам), внедрение новых принципов деятельности государства. А все это означает важные перемены в жизни всего общества. Успех судебной реформы, по существу, будет означать, что России удалось-таки перейти к западному типу институциональной матрицы власти. Вместо одного и единого центра появляются разные центры власти» [41].

Все изложенное доказывает, что введение института мировых судей в предложенном Концепцией варианте замыслилось исключительно в контексте «децентрализации» судебной системы страны и формирования даже не «двух судебных систем — федеральной и республиканской», что якобы «присуще подлинно федеративному государству», но множества (по количеству республик плюс федеральная) автономных правовых систем со своим самобытным уголовным, гражданским и административным правом и процессом.

В литературе утверждается, что идеология судебной реформы не была реализована, а мировая юстиция получила отличное от Концепции сущностное наполнение, поскольку после выборов в Государственную Думу 1993 г. сменилось руководство Комитета по законодательству, а инициативу «перехватили руководители высших судов и судейского сообщества» [10, с. 68]. С.А. Пашин по этому поводу заметил: «Судебная реформа и бюрократическая контрреформа в России конца XX столетия вершились параллельно, как и в предыдущем веке» [29].

Однако есть и другая точка зрения. Некоторые авторы указывают, что «13 декабря 1991 года в Новоогареве должно было состояться подписание нового Союзного договора независимых государств, согласно которому Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика должна была стать конфедерацией, так как согласно новому Союзному договору автономные республики РСФСР становились союз-

¹⁰ См. п. 5 гл. 1 разд. IV Концепции.

ными и при неизбежном распаде СССР РСФСР распадалась вместе с ним»¹¹.

Есть все основания полагать, что «перехват инициативы» в виде постановления III (внеочередного) Всероссийского съезда судей «О концепции судебной системы Российской Федерации»¹² от 25 марта 1994 г. был лишь оформлением Беловежских соглашений, где Россия была формализована как единый по своему государственному устройству субъект «международного права». При таких обстоятельствах необходимость создания самостоятельных правовых систем, о которых говорилось в Концепции, становилась не столь очевидной.

Вследствие этого основная идея указанного постановления в части мировой юстиции была компромиссной и состояла в «сохранении существующей системы судов как федеральной» с возможностью «при наличии к тому соответствующих условий (прежде всего финансовых)... образования судов субъектов Российской Федерации». Что же касается собственно мировых судей, то их принадлежность к конкретной судебной системе документом не определялась, а порядок наделения их полномочиями был отнесен к компетенции субъектов Российской Федерации.

Для полноты оценки Концепции следует отметить, что указом Президента Российской Федерации «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации» от 6 июля 1995 г. № 673¹³ был дан старт научной разработке «концепции вопросов правового обеспечения ряда важнейших направлений формирования и функционирования российской государственности и развития полноценного гражданского общества». Однако эта концепция, касающаяся некоторых судеустройственных вопросов¹⁴ и призванная обеспечить «системность, плановость и скоординированность законотворческого процесса», последующего развития не получила.

Таким образом, в актах стратегического планирования государственной политики — кон-

цепциях судебной реформы, судебной системы и правовой реформы — мало общего и практически отсутствуют положения, непосредственно связанные с предупреждением и профилактикой преступности. «Разные части сломанной государственной машины имели свой «проект реформ». Консенсус достигался только относительно использования самого слова «реформы», которое было так мило сердцу западных спонсоров России» [23, с. 216]. В результате к исходу 1996 г. внедрение мировой юстиции в рамках «децентрализации», да и сама «децентрализация», состоялись совсем в ином формате.

О таком фундаментальном несовпадении замысла и реализации свидетельствуют итоги законотворческой деятельности «романтического» [29] этапа судебной реформы (1991–1996 гг.), ознаменовавшегося принятием компромиссных (относительно исходного замысла Концепции) нормативных правовых актов и других руководящих документов, в которых были реализованы далеко не все политико-правовые установки Концепции, касающиеся мировых судей.

Речь идет о принятии следующих нормативных актов:

– закона РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР» от 1 ноября 1991 г.;

– постановления Президиума Верховного Совета РСФСР «Об упразднении Верховного Суда СССР, Высшего Арбитражного Суда СССР и Прокуратуры СССР» от 28 декабря 1991 г. № 3045-1 (эти органы были упразднены с 2 января 1992 г., их правопреемниками были объявлены Верховный Суд РСФСР и Прокуратура РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР была включена в состав Верховного Суда РСФСР);

– закона РФ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР» от 29 мая 1992 г. № 2869-1;

– закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1;

– Конституции Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.);

– Положения об органах Судейского сообщества Российской Федерации, утвержденного II Всероссийским съездом судей 30 июня 1993 г. (прекратило действие);

– Кодекса чести судьи Российской Федерации от 21 октября 1993 г. и др.;

¹¹ 90 лет создателю Российской Федерации // LiveJournal. URL: <https://abrod.livejournal.com/1609621.html>.

¹² Совет судей Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.ssrf.ru/page/842/detail>.

¹³ О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации : указ Президента РФ от 6 июля 1995 г. № 673 // Собрание законодательства РФ. 1995. № 28. Ст. 2642.

¹⁴ Там же. Пп. 16, 17, 31.

Помимо этого были заключены договоры между Российской Федерацией и ее субъектами, которые в части судоустройства дублировали нормы п. «о» ст. 73 и п. «л» ст. 74 Конституции РФ (судоустройство, прокуратура, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, амнистия и помилование, гражданское законодательство, процессуальное законодательство находятся в ведении Российской Федерации; кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат — в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации)¹⁵.

Таким образом, результаты государственной криминологической политики Российской Федерации были формализованы в юридической конструкции мировой юстиции и на 1 января 1997 г. характеризовались следующими основными параметрами:

1. Легитимность мировых судей провозглашена как потенциальная возможность их создания в качестве судов субъектов Российской Федерации.

2. Сроки и порядок реализации такой возможности не определены (федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» будет принят лишь 11 ноября 1998 г. и введен в действие с 22 декабря 1998 г. Необходимые для рассмотрения мировыми судьями гражданских и уголовных дел изменения в ГПК и УПК РФ будут приняты 7 июля 2000 г. и введены в действие соответственно с 9 и 10 августа того же года).

3. Принципы организации, юрисдикция (за исключением незначительного сегмента законодательства об административной ответственности), роль и место мировых судей в судебной системе Российской Федерации, а также статус мировых судей определяются федеральным законодательством.

4. В случае создания мировые судьи в качестве судов субъектов входят в систему судов общей юрисдикции в качестве низшего звена судов общей юрисдикции.

5. Финансирование мировых судей производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в

соответствии с федеральным законом (ст. 124 Конституции РФ).

6. Кадры судебных и правоохранительных органов, адвокатура, нотариат (п. «л» ст. 74 Конституции РФ) находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Выводы

Согласно Концепции, внедрение мировых судей одновременно с принятием в республиках РСФСР собственных кодексов материального и процессуального права предопределяло создание независимых от центра правовых систем в каждом российском субъекте и блокирование криминологической функции судов.

Трансформация России в государство «кооперативного федерализма» с крайними формами асимметричности ее субъектов означала бы устранение мировой юстиции от возможности реализовывать криминологическую функцию судов¹⁶.

Цель рецепции западных политико-правовых концепций в российскую судоуственную правовую традицию была обусловлена не объективной необходимостью, а идеологической установкой на ликвидацию государственной субъектности Российской Федерации.

Результатом криминологической политики Российской Федерации в 1991–1996 гг. стало структурирование судебной системы России, где мировая юстиция должным образом влияет на предупреждение и профилактику преступности.

Последующая динамика законодательства к 2021 г. обеспечила существенное повышение мировым судьей результативности судебной превенции девиантного поведения. В частности, криминологический инструментарий мирового судьи был дополнен возможностью использования следующих правомочий, предусмотренных:

- ст. 29 УПК РФ (с 1 июля 2002 г.);
- ст. 226 ГПК РФ (с 1 февраля 2003 г.);
- ст. 200 КАС РФ (с 6 мая 2016 г).

Кроме того, действенность судебной превенции значительно усилилась в результате

¹⁵ См., например: О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан : договор Рос. Федерации и Респ. Татарстан от 15 февр. 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ О европейском понимании важной роли эффективной конструкции судебной системы в реализации политики по предупреждению преступлений. Crime prevention // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/organized-crime-and-human-trafficking/crime-prevention_en.

сближения процессуальных полномочий мирового судьи и вышестоящих судебных инстанций в части выявления обстоятельств и фактов нарушения прав и свобод граждан.

Равные возможности всех судебных органов по реагированию на такие нарушения посредством вынесения частных определений (постановлений) — еще одна важная составляющая криминологической функции судов, где роль мировой юстиции исходя из общего объема рассматриваемых дел всех категорий безусловно определяющая¹⁷.

¹⁷ Так, в 2019 г. мировыми судьями рассмотрено 6 млн 250,5 тыс. дел, или 89,2 % от общего числа рассмотренных судьями районных судов и мировыми

Таким образом, криминологическая политика Российской Федерации последовательно направлена на постоянное совершенствование и повышение эффективности криминологической функции суда.

судьями дел об административных правонарушениях. В порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, мировые судьи рассмотрели 16 млн 770 тыс. дел из 19,6 млн гражданских дел всех категорий, рассмотренных судами общей юрисдикции. См.: Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiksii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пилюгина Е.В. Общество постмодерна в парадигме «нового средневековья»: концептуализация / Е.В. Пилюгина // Социология науки и технологий. — 2016. — Т. 7, № 3. — С. 138–150.
2. Cornish D.B. The Reasoning Criminal. Rational Choice Perspectives on Offending / D.B. Cornish, R.V. Clarke. — New York : Routledge, 2014. — 270 p.
3. Bowers K.J. The Role of Publicity in Crime Prevention: Findings from the Reducing Burglary Initiative / K.J. Bowers, S.D. Johnson. — London : Home Office Research, Development and Statistics Directorate, 2003. — 49 p.
4. Freilich J.D. Situational Crime Prevention / J.D. Freilich, G.R. Newman. — DOI 10.1093/acrefore/9780190264079.013.3 // Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. — New York, 2014. — 63 p.
5. Азаров М.Б. Проблемы взаимоотношений федерации и штатов в США на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М.Б. Азаров. — Москва, 2006. — 22 с.
6. Романов А.К. Судебная реформа в России: ее акторы и их проблемы / А.К. Романов // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / под ред. Т.И. Заславской. — Москва, 2001. — С. 148–157.
7. Даурова Т.Г. Печальные рассуждения в связи с юбилеем Концепции судебной реформы в Российской Федерации / Т.Г. Даурова // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 3. — С. 21–35.
8. Колоколов Н.А. Проблемы современного уголовного судопроизводства / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. — 2011. — № 4. — С. 4–10.
9. Лебедев В.М. От концепции судебной реформы к новым идеям развития судебной системы / В.М. Лебедев // Российская юстиция. — 2000. — № 3. — С. 2–5.
10. Краснов М.А. Судебная реформа: от концепции 1991 года до сегодняшнего дня (попытка инвентаризации) : доклад / М.А. Краснов. — Москва, 2001. — 68 с.
11. Busygina I.M. Asymmetric Federalism — Special Role of the Republics in the Russian Federation / I.M. Busygina // Osteuropa. — 1998. — Vol. 48, iss. 3. — P. 239–252.
12. Lapidus G. Asymmetrical Federalism and State Breakdown in Russia / G. Lapidus. — DOI 10.1080/1060586X.1999.10641463 // Post-Soviet Affairs. — 1999. — Vol. 15, iss. 1. — P. 74–82.
13. Смирнягин Л.В. Российский федерализм / Л.В. Смирнягин, И.М. Бусыгина // Институт общественного проектирования. — URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf>.
14. Конюхова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития / И.А. Конюхова. — Москва : Городец, 2004. — 587 с.
15. Паин Э.А. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность / Э.А. Паин // Политнаука. — URL: <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php>.
16. Абдулатипов А.М. Совершенствование криминологических функций судов общей юрисдикции по профилактике преступлений террористической направленности / А.М. Абдулатипов // Юридический вестник ДГУ. — 2017. — Т. 22, № 2. — С. 92–98.
17. Кадошко К.А. Криминологические функции правосудия, осуществляемого судами общей юрисдикции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К.А. Кадошко. — Москва, 2008. — 213 с.
18. Рахманова Е.Н. Криминологический механизм защиты прав человека / Е.Н. Рахманова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 324. — С. 241–246.
19. Шестаков В.А. Криминологические аспекты участия военных судов в антикриминогенной деятельности / В.А. Шестаков // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 10. — С. 127–131.
20. Герасимова А.Е. Конституционные основы права на судебную защиту в США : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.Е. Герасимова. — Москва, 2016. — 182 с.
21. Partlett W. Criminal Law and Cooperative Federalism / W. Partlett // American Criminal Law Review. — 2019. — Vol. 56. — P. 1663–1691.

22. Reshetnikova I. Judicial reforms in Russia: 1864 to 2014 / I. Reshetnikova // Russian Law Journal. — 2015. — Vol. III, iss. 2. — P. 109–118.
23. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты / О.В. Крыштановская. — Москва : Захаров, 2005. — 381 с.
24. Морщакова Т.Г. Судебная власть в России. Перспективы развития : тез. лекции / Т.Г. Морщакова // Свердловский антикоррупционный комитет : офиц. сайт. — URL: http://a-komitet.ru/ekspertnoe_mnenie/10010238/page/5.
25. Лунеев В.В. Прежде чем предлагать очередную реформу, необходимо изучить реалии. Ответ криминолога процессуалисту А.С. Александрову : выступление на круглом столе «Следственная власть: «за» и «против» / В.В. Лунеев // Международная ассоциация содействия правосудию. — URL: <http://www.iuaj.net/node/2100>.
26. Лунеев В.В. Комментарий Л.В. Головки в статье П. Шипилина «Зачем нам ломают хребет» / В.В. Лунеев // Империя : информ.-аналит. портал. — URL: <http://www.imperiyanews.ru/details/51a37523-c780-e711-80e2-020c5d00406e>.
27. Мусин М.М. Конституцию России писали в США / М.М. Мусин // Крамола. — URL: <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/konstituciju-rossii-pisali-v-ssha>.
28. Федоров Е. Госдума принимает законы, написанные американцами / Е. Федоров ; подгот. А. Гарбузняк // Аргументы и факты. — 2013. — 10 окт. — URL: <http://www.aif.ru/politics/russia/944285>.
29. Пашин С.А. Преобразование судебной системы России на романтическом этапе судебной реформы / С.А. Пашин // История новой России. Очерки, интервью : сб. науч. тр. В 3 т. Т. 2 / под ред. П.С. Филиппова. — Санкт-Петербург, 2011. — С. 8–27.
30. Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.В. Лонская. — Санкт-Петербург, 2016. — 366 с.
31. Колоколов Н.А. Мировая юстиция : учеб. пособие / Н.А. Колоколов, С.Г. Павликов, А.Н. Сачков ; под ред. Н.А. Колоколова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юнити-Дана, 2011. — 424 с.
32. Ветров П.В. Роль мирового суда в судебной реформе современной России / П.В. Ветров // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2007. — № 12-2 (56). — С. 335–339.
33. Ильинская Н.Г. Конституционно-правовые основы судебной реформы в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Н.Г. Ильинская. — Москва, 2006. — 22 с.
34. Никитин П.В. Судебная реформа как фактор становления правового государства в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / П.В. Никитин. — Москва, 1999. — 194 с.
35. Полудняков В.И. Современная российская судебная реформа. На пути в мир правосудия / В.И. Полудняков. — Санкт-Петербург : Нева, 2002. — 317 с.
36. Попова А.Д. Судебные реформы как механизм формирования гражданского общества в России: на материалах судебных реформ второй половины XIX века и рубежа XX–XXI веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А.Д. Попова. — Москва, 2012. — 54 с.
37. Фетищев Д.В. Теоретико-методологические проблемы развития судебной власти в системе государства: историко-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Фетищев. — Москва, 2008. — 41 с.
38. Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09, 12.00.11 / В.В. Дорошков. — Москва, 2003. — 374 с.
39. Илюхин А.В. Институт мировых судей по «Основным положениям преобразования судебной части в России» 1862 года и по «Концепции судебной реформы в РСФСР» 1991 года как программ судебных преобразований: опыт сравнительно-правового исследования / А.В. Илюхин // Мировой судья. — 2012. — № 2. — С. 22–25.
40. Институты самоуправления: историко-правовое исследование / отв. ред. Л.С. Мамут. — Москва : Наука, 1995. — 301 с.
41. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственного права / В.Е. Чиркин. — Москва : Артикул, 1997. — 352 с.

REFERENCES

1. Pilyugina E.V. The Postmodern Society in the Paradigm of «The new Middle Ages»: Conceptualization. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii = Sociology of Science and Technology*, 2016, vol. 7, no. 3, pp. 138–150. (In Russian).
2. Cornish D.B., Clarke R.V. *The Reasoning Criminal. Rational Choice Perspectives on Offending*. New York, Routledge, 2014. 270 p.
3. Bowers K.J., Johnson S.D. *The Role of Publicity in Crime Prevention: Findings from the Reducing Burglary Initiative*. London, Home Office Research, Development and Statistics Directorate, 2003. 49 p.
4. Freilich J.D., Newman G.R. Situational Crime Prevention. *Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice*. New York, 2014. 63 p. DOI: 10.1093/acrefore/9780190264079.013.3.
5. Azarov M.B. *Contemporary problems of relationships between the federal center and the states in the USA*. Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 22 p.
6. Romanov A.K. Court reform in Russia: its actors and their problems. In Zaslavskaya T.I. (ed.). *Who and where to strive to lead Russia? Actors of Macro, Meso, and Micro Levels of the Modern Transformation Process*. Moscow, 2001, pp. 148–157. (In Russian).
7. Daurova T.G. Sad Arguments in Connection with the Anniversary of the Concept of Judicial Reform in the Russian Federation. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial Authority and Criminal Process*, 2016, no. 3, pp. 21–35. (In Russian).
8. Kolokolov N.A. Problems of modern criminal court procedure. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2011, no. 4, pp. 4–10. (In Russian).
9. Lebedev V.M. From the Concept of Judicial Reform to New Ideas on Development of the Judicial System. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2000, no. 3, pp. 2–5. (In Russian).
10. Krasnov M.A. *Judicial Reform: from the Concept of 1991 up to Today (an Attempt at an Inventory)*. Moscow, 2001. 68 p.

11. Busygina I.M. Asymmetric Federalism — Special Role of the Republics in the Russian Federation. *Osteuropa*, 1998, vol. 48, iss. 3, pp. 239–252.
12. Lapidus G. Asymmetrical Federalism and State Breakdown in Russia. *Post-Soviet Affairs*, 1999, vol. 15, iss. 1, pp. 74–82. DOI: 10.1080/1060586X.1999.10641463.
13. Smirnyagin L.V., Busygina I.M. Russian Federalism. *Institute of Public Design*. Available at: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf>. (In Russian).
14. Konyukhova L.A. *Modern Russian Federalism and World Experience: Results of Formation and Perspectives of Development*. Moscow, Gorodets Publ., 2004. 587 p.
15. Pain E.A. *Federalism and separatism in Russia: myths and reality*. *Politnauka*. Available at: <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php>. (In Russian).
16. Abdulatipov A.M. Improvement of the Criminological Functions of General Jurisdiction Courts for the Prevention of Terrorist Crimes. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of Dagestan State University*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 92–98. (In Russian).
17. Kadolko K.A. *The criminological functions of justice carried out by the courts of general jurisdiction of the Russian Federation. Cand. Diss.* Moscow, 2008. 213 p.
18. Rakhmanova Ye.N. Criminological Mechanism of the Protection of Human Rights. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2009, no. 324, pp. 241–246. (In Russian).
19. Shestak V.A. Criminological Aspects of Participation of Military Court in Anti-Criminogenic Activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 10, pp. 127–131. (In Russian).
20. Gerasimova A.E. *Constitutional Foundations of the Right to Judicial Protection in the United States. Cand. Diss.* Moscow, 2016. 182 p.
21. Partlett W. Criminal Law and Cooperative Federalism. *American Criminal Law Review*, 2019, vol. 56, pp. 1663–1691.
22. Reshetnikova I. Judicial reforms in Russia: 1864 to 2014. *Russian Law Journal*, 2015, vol. III, iss. 2, pp. 109–118.
23. Kryshchanovskaya O.V. *The Anatomy of Russian Elites*. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 381 p.
24. Morshchakova T.G. Judicial power in Russia. Development prospects. *Sverdlovskii antikorrupcionnyi komitet*. Available at: http://a-komitet.ru/ekspertnoe_mnenie/10010238/page/5. (In Russian).
25. Luneev V.V. It is necessary to research facts of life before suggesting another reform. An answer from a criminologist to procedure specialist A.S. Aleksandrov. *International Union of Assistance to Justice*. Available at: <http://www.iuaj.net/node/2100>. (In Russian).
26. Luneev V.V. Comments of L.V. Golovko to the article of P. Shipilin «Why they are breaking our backbone». *Imperiya*. Available at: <http://www.imperianews.ru/details/51a37523-c780-e711-80e2-020c5d00406e>. (In Russian).
27. Musin M.M. Russian constitution was written in the USA. *Kramola*. Available at: <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/konstituciju-rossii-pisali-v-ssha>. (In Russian).
28. Fedorov E.; Garbuznyak A. (ed.). The Duma enacts laws written by Americans. *Argumenty i fakty*, 2013, October 10. Available at: <http://www.aif.ru/politics/russia/944285>. (In Russian).
29. Pashin S.A. Reforming Judicial System in Russia at the Romantic Stage of Judicial Reform. In Filippov P.S. (ed.). *History of New Russia. Essays, Interviews*. Saint-Petersburg, 2011, vol. 2, pp. 8–27. (In Russian).
30. Lonskaya S.V. *The Justice of the Peace Institute in Russia: Historical-Theoretical Legal Research. Doct. Diss.* Saint-Petersburg, 2016. 366 p.
31. Kolokolov N.A., Pavlikov S.G., Sachkov A.N.; Kolokolov N.A. (ed.). *World Justice*. 2nd ed. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2011. 424 p.
32. Vetrov P.V. The Role of Magistrate's Court in the Judicial Reform of Modern Russia. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov State University Bulletin. Series: Humanities*, 2007, no. 12-2, pp. 335–339. (In Russian).
33. Ilinskaya N.G. *Constitutional and legal basics of court reform in Russia. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2006. 22 p.
34. Nikitin P.V. *Court reform as a factor of building a state of law in modern Russia. Cand. Diss.* Moscow, 1999. 194 p.
35. Poludnyakov V.I. *Modern Russian judicial reform. On the way to the world of justice*. Saint-Petersburg, Neva Publ., 2002. 317 p.
36. Popova A.D. *Court reforms as a mechanism of developing civil society in Russia: based on the materials of court reforms of the second half of the 19th and the turn of 20th — 21st centuries. Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2012. 54 p.
37. Fetishchev D.V. *Theoretical-methodological problems of developing court power in the system of the state: historical-legal aspect. Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2008. 41 p.
38. Doroshkov V.V. *Justice of the peace. Historical, organizational and procedural aspects of work. Doct. Diss.* Moscow, 2003. 374 p.
39. Ilyukhin A.V. The institute of justices of the peace in «Framework of Transforming Russian Courts» of 1862 and «The Concept of Court Reform in the RSFSR» of 1991 as programs of court reforms: an experience of comparative legal research. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2012, no. 2, pp. 22–25. (In Russian).
40. Mamut L.S. (ed.). *Institutes of self-governance: a historical-legal study*. Moscow, Nauka Publ., 1995. 301 p.
41. Chirkin V.E. *Basics of comparative political science*. Moscow, Artikul Publ., 1997. 352 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Туганов Юрий Николаевич — главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, г. Москва, Российская Федерация; профессор Российской таможенной академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, су-

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tuganov, Yuri N. — Chief Researcher, Center for the Study of the Problems of Justice, Russian State University of Justice, Moscow, the Russian Federation; Professor, Russian Customs Academy, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Retired Judge, Lyubertsy, the Russian Federation; e-mail: yurij-tuganov@yandex.ru.

дья в отставке, г. Люберцы, Российская Федерация; e-mail: yurij-tuganov@yandex.ru.

Аулов Владимир Константинович — доцент кафедры административного и финансового права Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Забайкальского края, судья в отставке, г. Люберцы, Российская Федерация; e-mail: vladimiraulov@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Туганов Ю.Н. Криминологическая политика Российской Федерации: концепция судебной реформы и мировая юстиция / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).624-636 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 5. — С. 624–636.

Aulov, Vladimir K. — Ass. Professor, Chair of Administrative and Financial Law, Russian Customs Academy, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Honored Lawyer of the Trans-Baikal Region, Retired Judge, Lyubertsy, the Russian Federation; e-mail: vladimiraulov@list.ru.

FOR CITATION

Tuganov Yu.N., Aulov V.K. Criminological policy of the Russian Federation: the concept of judicial reform and justice of the peace. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 624–636. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).624-636.